

Н.К.Онипенко

(ИРЯ РАН)

Между определенно-личностью и обобщенно-личностью (семантика синтаксических нулей в стихотворении И.Бродского «Декабрь во Флоренции»).

1. Понятие «синтаксического нуля», или «значимого отсутствия», «незамещенной позиции» принято связывать со статьей И.А. Мельчука¹, работами Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева², Пр. Адамца³; Я.Г. Тестельца⁴. При этом обычно рассматриваются русские односоставные предложения, а также предложения неполные и незамещенные субъектные позиции в полупредикативных оборотах.

К собственно синтаксическим нулям относят такие незамещенные позиции, которые нельзя заполнить и которые прочитываются на парадигматическом фоне (на фоне синонимов), т.е. нули в неопределенно-личных и обобщенно-личных предложениях. Незамещенные позиции, восстанавливаемые из контекста, квалифицируют как эллипсис. Однако граница между предложениями с синтаксическими нулями и эллиптическими предложениями очень неопределенна. Это обнаружилось еще тогда, когда в русистике не использовали понятие «синтаксический» нуль, в 30-е годы 20-го века, когда В.В. Виноградов предложил свою интерпретацию абсолютного начала «Пиковой дамы» А.С. Пушкина. Вот это знаменитое начало:

Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно: сели ужинать в пятом часу утра. Те, которые

---

¹ Мельчук И. А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогии. – Л.: Наука, 1974.

² Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Синтаксические нули и их референциальные свойства // Типология и грамматика. – М., 1990; Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенно-личности и обобщенно-личности // ТФГ. Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991; Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира. – М., 1996.

³ Адамец Пр. К вопросу о «незамещенных позициях» в русских высказываниях // Русистика. – 1990. – № 1; Адамец Пр. Семантическая интерпретация “значимых нулей” в русских предложениях // Язык и стих в России. Сборник в честь Дина С. Ворты к его 65-летию. – М. 1995.

⁴ Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. – М.: РГГУ, 2001.

остались в выигрыше, ели с большим аппетитом, прочие, в рассеянности, сидели перед пустыми своими приборами. Но шампанское явилось, разговор оживился, и все приняли в нем участие.

В.В. Виноградов писал: «повторением неопределенно-личных форм – *играли, сели ужинать* – создает иллюзию включенности автора в это общество. К такому пониманию побуждает и порядок слов, в котором выражается не объективная отрешенность рассказчика от воспроизводимых событий, а его субъективное сопереживание их, активное в них участие». Таким образом, отсутствие подлежащего в абсолютном начале сближает субъект речи с субъектом действия за счет сферы субъекта сознания. Повествователь погружен в мир своих героев, он выступает как участник событий. Отсутствие подлежащего внушает «мысль о слиянии автора с обществом (т. е. почти рождает образ – *мы*)»⁵.

Лингвистический сюжет вокруг начала «Пиковой дамы» приводит к необходимости соединить все случаи значимого отсутствия, представить их в общей системе в связи с фигурой говорящего, т.е. рассмотреть как одно из проявлений грамматической эгоцентрической техники. Эгоцентрическая грамматическая техника – это использование «значимого отсутствия», а **эгоцентрические элементы** – это слова, словоформы и конструкции, которые без местоимения Я и аффиксов 1-го лица читаются в связи с Я-модусной рамкой, обнаруживают прикрепленность высказывания к определенному субъекту модуса. И для одних языковых элементов принадлежность сфере Я субъекта сознания является единственно возможной (междометия, вводные *наверное, по-видимому, конечно*), для других – одной из возможных (*как мне кажется – как ему казалось – как казалось = мне*), третьи – соединяют первый и второй варианты, поскольку наличие/отсутствие субъектной синтаксемы связано с изменением лексического значения (*послышались голоса* – бытийное значение; *ему*

---

⁵ Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // В.В. Виноградов. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М., 1981. – С. 204–205.

послышались голоса – «кажимость», мнимость). Именно во втором и третьем случаях действие эгоцентрической техники становится значимым.

С учетом уровневого деления синтаксических единиц (словосочетание, простое предложение, сложное предложение) можно говорить о незамещенных позициях, о нулях (1) в непредикативных словосочетаниях, (2) в монопредикативных предложениях и (3) полипредикативных предложениях (в сложных и простых осложненных⁶).

(1) Нули в словосочетании интерпретируются такими понятиями как **абсолютивация** и **контекстуальная субстантивация**. Абсолютивное употребление, например, переходного глагола осмысливается как формирование предиката качества – «Он славно *пишет, переводит*» (А.С. Грибоедов); контекстуальная субстантивация – как один из вариантов выражение обобщенно-личности («*Сытый голодного* не понимает»). Такую субстантивацию можно представить как зависимое слово без главного (главным компонентом словосочетания могло бы быть слово *человек*), а абсолютивацию – как главное без зависимого.

(2) Нули в монопредикативном предложении могут быть **дейктическими** и **недейктическими**: дейктические нули отсылают к «Я – здесь – сейчас», недейктические – выражают значения неопределенности и обобщенности субъекта и указывают на отношение между субъектом диктума и субъектом модуса (исключенность, дистанцированность субъекта модуса при неопределенно-личности и включенность его в состав субъектов диктума при обобщенно-личности)⁷.

(3) Нули в полипредикативном предложении связаны с категорией таксиса (в широком смысле слова⁸) – грамматической техникой межпредикативных отношений, которая состоит в совпадении/несовпадении двух предикативных единиц по категориям модальности, времени и лица

---

⁶ См., например, о нулях в полупредикативных оборотах: Тестелец Я. Г. Указ. соч. – С. 270–282.

⁷ Т.В.Булыгина. Я, ты и другие в русской грамматике // Res philologica. Филологические исследования памяти акад. Г. В. Степанова. М. 1990.; Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004. – С. 116–122.

⁸ Таксис как грамматическая техника взаимодействия минимум двух предикативных единиц – их совпадение/несовпадение по категориям модальности, времени и лица [Золотова и др. 2004, 220–221].

(или субъекта): синтаксический нуль указывает на совпадение двух предикативных единиц, прежде всего по категории лица, т.е. по субъекту. Будучи средством грамматической связности предикативных единиц в предложении и в тексте, таксисные нули могут быть отнесены к области анафоры и эллипсиса, однако в составе оборотов в простых осложненных предложениях (например, атрибутивных или деепричастных) незамещенные позиции уже не могут быть заняты (так, если во времена М.В. Ломоносова при деепричастии могло быть подлежащее, то в наше время отсутствие субъектного компонента в обороте указывает на то, что деепричастие совпадает с основным сказуемым по субъекту).

По отношению к монопредикативной диктальной структуре можно различить следующие случаи «значимого отсутствия»:

(1) внутрисинтаксическая позиция есть, не занята, но может быть занята (*Вокруг было тихо = вокруг меня; В ухе стреляет = в моем ухе*),

(2) внутрисинтаксическая позиция есть, не занята, но если ее занять, высказывание изменяет значение (*В дверь ∅ постучали ≠ Они постучали; В шкафу ∅ старые вещи ≠ В шкафу есть старые вещи*)⁹;

(3) внутрисинтаксической позиции нет, она вытеснена «за кадр», это значит, есть внешнесинтаксическая позиция (*С пристани раздался гудок = я услышал, но, возможно, не только я*); в семантической структуре глагола субъектный компонент (наблюдатель) есть, но не может быть выражен внутри предложения, а обнаруживается в тексте: «Однажды, в студеную зимнюю пору, Я из лесу вышел; <...> «Откуда дровишки?– «Из лесу, вестимо; Отец, слышишь, рубит, а я отвожу». (*В лесу раздавался топор дровосека.*)» (Н.А. Некрасов).

---

⁹ Без возможности отнесения к предтексту незанятая позиция читается в связи с Я модусного субъекта (1) при словах дейктической (шифтерной) семантики, например, пространственной: *вдали ∅* (вдали от меня) – *вдали от дома; рядом ∅* (рядом со мной) – *рядом с домом* [Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная картина мира // Семиотика и информатика. М., 1986. Вып. 28] –; (2) при «реляционных именах» (выражающих отношения между людьми – *муж, жена, брат, друг, однофамилец*) [Шмелев А.Д. Типы «невывраженных валентностей». // Семиотика и информатика. Вып. 36. – М., 1998]; 3) при словах, называющих части человеческого тела (*голова болит, зуб ноет, в ухе звенит – у меня; но: У бабушки голова болит*).

Эти случаи различают терминологически:

(1) «первичный дейксис» (Ю.Д. Апресян) – в речевой ситуации и «анафора», «эллипсис» – применительно к нарративному тексту, или «вторичный дейксис» («дейксис к воображаемому», по К.Бюлеру);

(2) «нулевой знак», «синтаксический нуль» (И.А. Мельчук, Т.В. Булыгина);

(3) ранг «За кадром» (Е.В. Падучева).

Поскольку незамещенные позиции местоименны, т.е. синонимичны местоимениям *Я, Ты, Кто-то, Все*, логичным становится использование терминов, применяемых для интерпретации семантики местоимений: принято говорить о местоимениях дейктических, анафорических и кванторных. Дейктические и анафорические местоимения можно соединить в один класс по их общей функции – отождествляющей. Соответственно, незамещенные позиции, или синтаксические нули (в широком смысле слова) будут делиться на **дейктические** нули (*Я, здесь*), **кванторные** (с неопределенно- и обобщенно-личным значением, а также неопределенно-предметным). Дейктические нули выражают **совпадение** субъекта модуса и субъекта диктума, кванторные – **исключенность** субъекта модуса из состава субъектов диктума (неопределенно-личность, неопределенно-предметность) и **включенность** субъекта модуса в состав субъектов диктума (обобщенно-личность); первые – **отождествляющие**, вторые – **включающие** и **исключающие**.

2. Несмотря на семантические различия синтаксических нулей, в них есть общая прагматическая сущность – их связь (прямая или опосредованная) с Я говорящего. См. фрагмент с неопределенно-личным предложением: *...и ему стало скучно и неловко. Чтобы как-нибудь развеять общее дурное настроение, он решил вмешаться и перед вечером постучал к Тане. Его впустили* (Чехов).

Этот фрагмент обусловлен точкой зрения Коврина: ему принадлежит состояние (*скучно, неловко*), целевое придаточное выражает осмысливаемую им цель. Неопределенно-личное предложение позволяет удержать точку зрения героя выражает отношения между героем и героиней, но представляет эти отношения с точки зрения героя (Коврина); ср. со знаменитым *Его не видят, с ним ни слова*, проинтерпретированным Т.В. Булыгиной¹⁰.

«Нуль» неопределенно-личности в условиях актуального времени (репродуктивного регистра) – не закадровая позиция, нуль резервирует место для субъекта диктума в синтаксической структуре и сигнализирует об определенном отношении Я говорящего к этому субъекту – выстраивает определенную субъектную перспективу. В примере из Чехова соединяется Я автора, Он субъекта сознания (с чьей точки зрения автор смотрит на ситуацию – с точки зрения Коврина) и Ø субъекта действия (Тани). Субъект сознания является одновременно участником ситуации (объектом). Местоимение *его* соединяет две роли: модусную и диктальную.

Реальный исполнитель, принадлежащий внешней силе, противопоставлен лирическому герою, как, например, в стихотворении И.Бродского, пишущего о том, как разрушали Греческую церковь в Ленинграде («Остановка в пустыне»):

Прекрасно помню, как ее ломали <...>

Потом туда согнали самосвалы,

бульдозеры...

И в этом противостоянии герой встает на сторону слабого – на сторону разрушаемой стены:

И стены стали поддаваться.

Смешно не поддаваться, если ты

стена, а пред тобою – разрушитель.

---

¹⁰ Т.В.Булыгина. Я, ты и другие в русской грамматике // Res philologica. Филологические исследования памяти акад. Г. В. Степанова. М. 1990.

3. «Обобщенно-личные» предложения, как с незамещенной позицией субъекта, так и с местоимением Ты/Вы, допускают более сложные варианты субъектной перспективы.

Рассмотрим стихотворение И. Бродского «Декабрь во Флоренции», в котором используются разные варианты незамещенных субъектных позиций. Обобщенность предполагает инклюзивное Я, поэтому поэт нередко использует обобщенно-личные нули для индивидуально-личных переживаний и действий. В этом случае **обобщенно-личность** и **определенно-личность** вступают в тесное взаимодействие.

Нас будут интересовать синтаксические нули и местоимения, которые, не будучи прямым способом идентификации героя, позволяют соединять разные субъектные сферы, разных поэтов и разные времена.

Стихотворению предпослан эпитафия из «Данте» А.Ахматовой, в котором Данте обозначен только местоимениями (он, этот). Бродский выбирает строчку «Этот, уходя, не оглянулся...», которую обычно интерпретируют в связи с другим стихотворением Ахматовой – «Лотова жена» (Т.В. Цивьян)¹¹. При этом говорят о противопоставлении Лотовой жены (которая оглянулась) и Данте. Сопоставление двух стихотворений Ахматовой интересно и в связи с синтаксисом местоимений: в обоих стихотворениях для номинации героев используется указательное местоимений *этот*. Но если в «Лотовой жене» местоимение *эта* анафорично (после рассказа о Лотовой жене – *Кто женщину эту оплакивать будет?*), то в стихотворении «Данте» строчка, выбранная Бродским для эпитафия, звучит оценочно, как голос толпы, осуждающей надменного Данте. На фоне такого осуждения следующая строка (*Этому я эту песнь пою...*), с анафорическим, ударным *этот* («именно этот») и первым лицом глагола противопоставляет голос поэта Ахматовой голосу толпы¹².

---

¹¹ Цивьян Т.В. Семиотические путешествия. – СПб., 2001; Бурова С.Н. Дейксис и анафора в эпитафии стихотворения И.А. Бродского «Декабрь во Флоренции» // Лингвистические идеи В.А. Белашаповой и их воплощение в современной русистике. Тюмень, 2010.

¹² Тот же прием и в Лотовой жене:
Кто женщину эту оплакивать будет?

В первой строфе «Декабря...» Бродский еще раз цитирует Ахматову, но не вполне точно, меняя время и лицо глагола: «но ты не вернешься сюда» (у Ахматовой: «Он и после смерти не вернулся / В старую Флоренцию свою»), и тем самым сближая себя и Данте как участников диалога, начиная разговор с Данте (в отличие от О.Мандельштама, который, как и Ахматова говорили «о Данте»). Бродский соглашается с Данте – *вправду* (1-я строфа) и не соглашается – *неправда, что любовь движет звезды* (7-я строфа).

В субъектной перспективе стихотворения «Декабрь во Флоренции» Бродский и Данте представлены и как собеседники (*субъекты речи*) и как *субъекты действия* – поэты, которых изгнали, которые не могут вернуться и которые живут с оглядкой на родной город, но «не разжимая кулака». Бродский в этом стихотворении (в отличие от других стихотворений в цикле «Часть речи») не использует местоимения Я, местоимение второго лица Ты отдано Данте, с которым Бродский ведет воображаемый разговор. Незамещенная же позиция дает разные варианты прочтения, но обязательно в связи с Я говорящего.

2-е лицо в 1-ой строфе обозначает не только Данте: в конце строфы, появляется обобщенно-личная форма 2-го единственного с субъектным синтаксическим нулем:

.....*Это -- красивый город,
где в известном возрасте просто **отводишь** взор от
человека и **поднимаешь** ворот.*

В отличие от личных местоимений, синтаксические нули создают смысловой референциальный объем, включают в сферу поэтического Я разных поэтов:

*Одну ли, две ли
проживаешь жизни, смотря по вере,
вечером в первой **осознаешь**: неправда,
что любовь движет звезды (Луну – давно) (VII);*

Каменное гнездо оглашаемо громким визгом

---

*Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.*

*тормозов; мостовую **пересекаешь** с риском
быть за{n/к}леваным насмерть (VIII);*

в них не проникнешь ни за какое золото (IX).

В соседстве с этими формами и прошедшее время прочитывается через Ты обобщенно-личное, соединяющее Я Бродского с Я других поэтов:

*там есть места, где припадал устами
Тоже к устам и пером к листам... (IX)*

2.3. Бродский во Флоренции - наблюдатель, сравнивающий свои ощущения с тем, что читал у Данте и о Данте. Я Бродского представлено словами с сильной субъектной валентностью (предметными – *глаз, кулак, лицо, тело, уста, брови, зрачок* и *перо* как основное орудие поэта; непредметными – *взор, память, шаг, сон, слеза*). Это не простая метонимия, а способ обнаружить внутреннюю точку зрения, принадлежащую Я поэта-изгнанника. Связь этих слов с Я усиливается соседством акциональных глаголов и деепричастий от глаголов акциональных глаголов:

II. *Глаз, мигая, заглатывает, погружаясь в сырые сумерки, как таблетки от памяти, фонари;*
(глаз изгнанника в чужом городе, чтобы успокоить память, смотрит на фонари: они везде одинаковые);

IV. ....Только подумать, сколько раз, обнаружив «м» в заурядном слове,
перо спотыкалось и выводило брови!

V. *Тело в плаще, ныряя в сырую полость рта подворотни, по ломаным, обветшалым плоским зубам поднимается мелким шагом...*

VI. *В пыльной кофейне **глаз** в полумраке кепки привыкает к нимфам плафона, к амурам, к лепке;*

VIII. ....В декабрьском низком небе громада яйца, снесенного Брунеллески,
вызывает **слезу в зрачке**, наторевшем в блеске куполов.

Наблюдателя обнаруживают и нули при глаголах *напоминать, намекать, казаться*, при которых отсутствие Дат. падежа субъекта позволяет

соединить Я Бродского с любым другим Я, способным так же воспринимать Флоренцию.

Отсутствие Дат. падежа в генеритивном высказывании соединяет Данте с другим поэтом-изгнанником (Бродским), а также с любым свободомыслящим человеком, отсылая читателя к теме поэта и власти, человека и власти:

.....вблизи вулкана
невозможно жить, не показывая кулака; но
и нельзя разжать его, умирая... (II).

Обобщенно-личным генеритивным высказыванием начинается и четвертая строфа, в которой поэт представлен обобщенно-референтным словом человек, который держит в руке перо:

*Человек превращается в шорох пера на бумаге, в кольцо
петли, клинышки букв и, потому что скользко,
в запятые и точки. Только подумать, сколько
раз, обнаружив "м" в заурядном слове,
перо спотыкалось и выводило брови!
То есть, чернила честнее крови,
и лицо в потемках, словами наружу -- благо
так куда быстрее просыхает влага --
смеется, как скомканная бумага.*

В этой строфе есть предложение с двумя субъектными нулями, двумя незамещаемыми позициями: при инфинитиве модусного глагола и при деепричастии. Можно предположить, что в этом предложении нарушено правило односубъектности, обязательное для русского деепричастия: обнаруживаю «м» Я, а спотыкается перо. Но из следующего предложения становится ясно, что именно перо обнаруживает «м», поскольку «чернила честнее крови». Но что скрывается за «м»? Марина Басманова, Муза¹³ или «м» из «омо» (остаток от «Номо Dei», которое древние философы читали в частях человеческого лица), о чем пишет Данте в 23 песни «Частилища»? Бродский в своем прозаическом эссе «Altra ego» (1990 г., написано на английском языке) писал: «Для Данте, по крайней мере, красота зависела от способности смотрящего различить в овале человеческого лица лишь семь

¹³ С.Н. Булова (указ. статья) видит в этом «м» и Мандельштама.

букв, составляющих слова Homo Dei»; и чуть дальше: «Что касается поэта, то он различает в этом меняющемся овале гораздо больше, чем семь букв Homo Dei; он различает в нем весь алфавит во всех его сочетаниях, то есть язык». «М» Данте увидел даже в лицах грешников. На фоне этих высказываний поэтические строки: перо (поэтическое начало в человеке) обнаруживает «М» и спотыкается. Темпоральный показатель «сколько раз» можно прочитывать очень широко – «сколько раз перо поэта»; но можно понимать и узко, в связи с Я Бродского – «мое перо». При втором варианте «м» становится кириллической буквой, за которой, прежде всего, Марина Басманова.

На кириллическую «м» косвенно указывает и VIII строфа, в которой полицейский сравнивается с буквой «ж», а буква «ы» становится символом разочарования. И та, и другая буква собственно русские. На Россию и изгнанника из России указывает также «зрачок, наторевший в блеске куполов».

*Каменное гнездо оглашаемо громким визгом
тормозов; мостовую пересекаешь с риском
быть за{п/к}леваным насмерть. В декабрьском низком
небе громада яйца, снесенного Брунеллески,
вызывает слезу в зрачке, наторевшем в блеске
куполов. Полицейский на перекрестке
машет руками, как буква "ж", ни вниз, ни
вверх; репродукторы лают о дороговизне.
О, неизбежность "ы" в правописаньи "жизни"!*

2.4. В «Божественной комедии» Данте, спустившись в ад, рассказывал о Флоренции, теперь Бродский рассказывает Данте о Флоренции последней трети XX в., называет имена великих людей, оставивших свой след в истории Флоренции: Брунеллески (14-15 вв.), Лоренцо (15 в.), Челлини (16 в.). Бродский говорит и о том, что Арно обмелел, что Старый Мост починили (тот мост, который видел Данте, обрушился во время наводнения 1333 г., на его месте в 1345 г. построили тот Старый Мост, который видит Бродский), что на Старом Мосту «торгуют всяческой бранзулеткой», а по улицам ездят автомобили. И в этих рассказах появляются нули 3-его

множественного: *починили, торгуют*. Неопределенно-личные предложения обнаруживают сторонний взгляд наблюдателя.

Иное дело последняя строфа стихотворения:

*Есть города, в которые нет возврата.
Солнце бьется в их окна, как в гладкие зеркала. То
есть, в них не проникнешь ни за какое золото.
Там всегда протекает река под шестью мостами.
Там есть места, где припадал устами
тоже к устам и пером к листам. И
там рябит от аркад, колоннад, от чугунных пугал;
там толпа говорит, осаждая трамвайный угол,
на языке человека, который убыл.*

Эта строфа начинается парадоксальной фразой *Есть города, в которые нет возврата*. На самом деле, *Есть* люди, которым нет возврата в эти города; Данте не вернется *сюда* (Флоренция), Бродский никогда не будет *там*. Сл-но, *Для нас есть города, в которые нам (поэтам) нет возврата*.

Подводя итоги, следует еще раз сказать, что чем ближе к Я, тем больше незамещенных позиций, что синтаксические нули оказываются знаками присутствия Я говорящего в его тексте, что не только дейктические, но и кванторные нули обнаруживают действие эгоцентрической грамматической техники в тексте. Субъектные незамещенные позиции в поэтическом тексте создают условия для соединения лирического Я с другими поэтами, соединяют определенно-личность и обобщенно-личность.